

Джон Диксон Карр

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ
НЕ БОЯЛСЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE BLACK SPECTACLES
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939
THE PROBLEM OF THE WIRE CAGE
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939
THE MAN WHO COULD NOT SHUDDER
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1940
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Антон Иванова, Анны Устиновой,
Вероники Салье, Николая Тихонова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25756-6

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2025
© В. М. Салье (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Улица Мавзолеев

Все это началось, как вспоминает некий человек, в одном доме в Помпеях. Он на всю жизнь запомнил этот жаркий тихий день: тишина на улице Мавзолеев, нарушаемая голосами англичан; ярко-красные олеандры в старом заброшенном саду и девушка в белом платье, стоящая в центре группы мужчин в черных очках, лица которых были похожи на маски.

Человек, который все это наблюдал, находился в Неаполе уже неделю по делам службы. Эти дела, никак не связанные с нашим повествованием, занимали, однако, все его время, и он смог освободиться только в понедельник, сентября девятнадцатого дня. В тот же день вечером он собирался поехать в Рим, а оттуда домой, в Лондон, через Париж. А днем хотел побродить по городу, отдохнуть и кое-что посмотреть: прошлое привлекало его ничуть не меньше, чем настоящее. Вот почему он оказался в этот спокойный день под знойным, спокойным солнцем на улице Мавзолеев.

Улица Мавзолеев расположена возле стен Помпей. Она ведет от ворот Геркуланума, спускаясь к подножию невысокого холма в виде широкого желоба, вымощенного каменными плитами, по обеим сторонам которого идут тротуары для пешеходов. По краям стоят кипарисы, благодаря чему эта улица мертвых кажется живой. Здесь помещаются склепы патрициев, приземистые алтари, еще не успевшие потемнеть и превратиться в руины. Когда человек услышал звук своих собственных шагов на этой улице, он вполне мог себе представить, что идет по улице какого-нибудь заброшенного предместья. Яркий горячий свет падал на мостовую, в которой

колеса бесчисленных повозок выбили глубокие колеи, на траву, пробивающуюся сквозь трещины в камнях, и на крохотных коричневых ящериц, которые бросались прочь при его приближении, скользя, как тень, в густой траве. Перед ним, позади мавзолеев, вздымался Везувий, тускло-голубой в знойном мареве, огромный и величественный, несмотря на то что его отделял по меньшей мере десяток миль.

Человеку было жарко, и его клонило ко сну. Эти длинные улицы лавок, опустошаемых жадными покупателями, внутренние дворики, фрески и колонны, скрывающиеся в глубине, действовали на него, вызывая непонятное беспокойство. Он бродил по городу уже около часа, однако не встретил ни одной живой души, если не считать таинственной группы с гидом, которая внезапно появилась в конце улицы Фортунны и так же внезапно исчезла, оставив позади лишь шорох мелких камешков.

Улица Мавзолеев привела его в самый конец города. Он как раз раздумывал, не вернуться ли ему домой или, быть может, посмотреть что-нибудь еще, когда увидел среди памятников жилой дом. Это был большой дом — вероятно, вилла какого-нибудь патриция, которая в пору расцвета Помпей стояла вдалеке от городского шума, на тихой окраине города. Он поднялся по лестнице и вошел внутрь. В атриуме было мрачно и пахло сыростью; по сравнению с теми домами, в которых он уже побывал в городе и где все было отремонтировано и содержалось в порядке, здесь все было достаточно запущено. Но дальше, в глубине, виднелся садик, обрамленный колоннами, в который свободно вливался солнечный свет. Сад весь зарос, он был полон покрытыми красивыми цветами олеандров, а в центре находился разрушенный фонтан в окружении азиатских сосен. Слышался шелест травы и английские голоса.

Около фонтана стояла девушка в белом платье и смотрела в его сторону. Он сразу увидел, что она не только красива, но и умна. Темно-каштановые волосы, разделенные на пробор и убранные за уши, свободными локонами лежали на шее.

Овальное личико, полные губы и широко расставленные глаза, которые говорили о добродушии, несмотря на их серьезное выражение. Глаза были серые, с довольно тяжелыми веками и задумчивые. Она стояла в спокойной позе, небрежно поправляя белое платье. И тем не менее она нервничала — это было заметно даже по тому, как были сдвинуты ее брови.

Напротив нее стоял темноволосый молодой человек в костюме из легкой шерсти, который смотрел в видоискатель небольшой кинокамеры. Раздалось негромкое жужжание и щелчки аппарата. Прижавшись щекой к корпусу камеры, молодой человек сказал:

— Делайте что-нибудь! Улыбнитесь, словом, все что угодно, только двигайтесь! Если вы будете просто так стоять, получится обыкновенная фотография.

— Но что же я могу сделать, Джордж?

— Я же сказал: улыбнитесь или...

Девушка, очевидно, была скована смущением, которое охватывает человека, когда он знает, что его движения каким-то образом регистрируются. Сначала у нее был слишком неестественно серьезный вид, потом ей удалось улыбнуться. Она подняла вверх свою белую сумочку и помахала ею в воздухе. Затем огляделась, как бы отыскивая, куда бы сбежать, и наконец рассмеялась, глядя прямо в объектив камеры.

— Мы зря изводим пленку, — зарычал молодой человек, словно подражая режиссеру на съемках.

Человеку, наблюдавшему всю эту сцену из дверного проема всего в каких-нибудь десяти футах от группы, вдруг стало ясно, что эта девушка находится в высшей степени нервном, даже опасном состоянии духа, что ее здоровый цвет лица решительно ни о чем не говорит и что назойливое стрекотание кинокамеры действует на нее как кошмар.

— Но что же я могу сделать?

— Ну, ходите, подвигайтесь. Пройдите вон туда, направо. Я хочу захватить эти колонны, которые позади вас.

Другой член группы, который, подбоченившись, наблюдал эту сцену, фыркнул. Это был невысокий подвижный чело-

век, чьи черные очки в какой-то степени скрывали тот факт, что он был несколько старше, чем можно было судить по его одежде праздного туриста. Видна была увядшая кожа на висках, из-под шляпы-панамы с опущенными полями выбивались седеющие волосы.

— Несчастливые туристы, — проговорил он с уничтожающим презрением. — Вот вы кто: несчастные туристы. Вам обязательно нужны эти колонны, которые находятся позади нее. Просто Марджори вам в этом кадре не нужна. И внутренний дворик в Помпеях вам тоже не нужен. Вам нужна Марджори на фоне дома в Помпеях для того, чтобы показать, что вы там были. Я считаю, что это отвратительно.

— А что в этом, собственно, плохого? — раздался громовой голос. Он исходил от более высокого и плотного человека с короткой рыжеватой бородкой, который стоял по другую сторону от провинившейся пары.

— Туристы, — проговорил человек в панаме.

— Я с тобой совершенно не согласен, — возразил дородный человек. — И я не понимаю, чего ты хочешь, Маркус. Всякий раз, как мы оказываемся возле какой-нибудь достопримечательности, вы тянете нас прочь только на том основании (если я вас правильно понял), что это достопримечательности. Позвольте вас спросить: какого черта... — он произнес это слово так, что оно громом прокатилось по саду, — для чего еще нужно ехать в какое-то место, если не для того, чтобы его осмотреть? Ваше возражение состоит в том, что с этой целью по миру разъезжают толпы людей. Вам не приходит в голову, что, если тысячи людей приезжают посмотреть какое-то место, это, возможно, происходит потому, что на него стоит посмотреть?

— Веди себя прилично, — сказал человек в панаме. — И перестань кричать. Ты ничего не понимаешь. И никогда не поймешь. Что ты нашел здесь, например? Где мы находимся?

— Это очень просто выяснить, — отозвался его собеседник. — Что вы скажете, молодой человек?

Он обернулся к темноволосому человеку с кинокамерой. Последний неохотно выключил аппарат, прекратив снимать девушку, которая теперь смеялась. Вложив камеру в футляр, который висел у него через плечо, он достал из кармана путеводитель и стал прилежно перелистывать страницы. Затем откашлялся, прочищая горло.

— «Номер тридцать четыре, две звездочки. Вилла Ариуса Диомеда...» — прочитал он внушительно. — Хотя всего-навсего «так называемая», в связи с тем...

— Чепуха! — оборвал его толстяк. — Ты мы видели десять минут тому назад. Там еще были скелеты.

— Какие скелеты? — возразила девушка. — Мы не видели никаких скелетов, доктор Джо.

Лицо дородного мужчины, который тоже был в темных очках, приобрело еще более огненный цвет.

— Я и не говорил, что мы видели скелеты, — ответил он, надвигая поглубже свою кепку из твида. — Я сказал, что в этом доме нашли все эти скелеты. Мы его прошли. Разве вы не помните? Там, в доме, были слуги, они хотели выбежать, но им преградила путь раскаленная лава, вот они и остались лежать на пороге, словно кегли. Там их впоследствии и нашли. Это был дом с колоннами, выкрашенными в зеленый цвет.

Низенький подвижный человечек в шляпе-панаме скрестил руки. На лице у него появилось какое-то злобное выражение.

— Тебе, возможно, небезынтересно узнать, Джо, что это не так.

— Что не так? — осведомился доктор Джо.

— А то, что они выкрашены в зеленый цвет. Снова и снова я нахожу подтверждение своей мысли, — говорил человечек, — что средний человек — вы, или вы, или вы — совершенно не способен правильно описать то, что он видит и слышит. Ты ненаблюдателен. Ты не способен к тому, чтобы правильно видеть. Что скажете, профессор?

Он обернулся через плечо. Там стояли еще два человека, последние из группы. Они находились в тени, в центре колоннады перистилия. Наш наблюдатель не сразу их заметил и сумел разглядеть гораздо хуже, чем тех, кто стоял на ярко освещенном месте. Он только увидел, что один из них был молод, а другой — не очень. С помощью увеличительного стекла они рассматривали кусочек застывшей лавы, который, по-видимому, подобрали возле балюстрады перистилия. На обоих были темные очки.

— Бог с ней, с виллой Ариуса Диомеда, — сказали из-за балюстрады. — Чей это дом?

— Сейчас найду, — подал голос молодой человек с камерой и путеводителем. — Я перепутал страницы. Это номер тридцать девять, да? Правильно. Вот он. Номер тридцать девять. Три звездочки. Дом Аулюса Лепидуса, отравителя.

Наступило молчание.

До этого времени они производили впечатление семейной или дружеской группы, в которой старшие ее члены несколько раздражены от жары или усталости. Некоторое семейное сходство в меньшей степени, чем стремление подкусить друг друга, позволяло предполагать, что доктор Джо и человек в панаме (его называли Маркус) — братья. Девушка по имени Марджори тоже, по-видимому, была их родственница. Все как обычно.

Но в тот момент, когда были прочитаны слова из путеводителя, атмосфера среди членов группы изменилась столь разительно, как если бы вдруг резко похолодало или внезапно наступили сумерки. Только молодой человек с путеводителем остался к этому нечувствительным. Все остальные обернулись и застыли на месте. Четыре пары очков были направлены на девушку — она стояла словно в середине круга масок. Солнечные лучи отражались от стекол, отчего они сделались тусклыми, непрозрачными и зловещими.

Молчание нарушил доктор Джо.

— Кто-кто? — беспокойно спросил он.

— Отравитель, — ответил молодой человек. — По рисунку, выложенному в мозаичном полу при входе в атриум и изображающему меч и очищенное от коры ивовое дерево («лепидус» означает «очищенный от коры», отсюда — «приятный», «остроумный»), Момзен определил, что эта вилла принадлежит...

— Да, но что же он все-таки сделал?

— ...Который, по свидетельству Варро, умертвил пятерых членов своей семьи, накормив их соусом из ядовитых грибов, — продолжал молодой человек.

Он огляделся вокруг с живейшим интересом, словно ожидая увидеть, что трупы все еще находятся там.

— Что же, неплохо, — добавил он. — В те времена, я полагаю, не составляло особого труда совершить массовое убийство и остаться безнаказанным.

И в этот момент он вдруг почувствовал, что что-то неладно; его коротко подстриженные волосы зашевелились на затылке. Он захлопнул книгу.

— В чем дело? — спросил он негромким голосом. — В чем дело? Я сказал что-то не то?

— Ну что вы, конечно нет, — ответила Марджори с полным самообладанием. — Между прочим, у дяди Маркуса хобби: он интересуется всякими преступлениями. Правда, дядя?

— Совершенно верно, — подтвердил тот. Он обернулся к молодому человеку. — Скажите мне, мистер... я все время забываю ваше имя...

— Вы прекрасно знаете, как его зовут! — воскликнула Марджори.

По преувеличенному уважению, которое молодой человек оказывал Маркусу Чесни, было ясно, что Маркус не только дядюшка Марджори, он заменяет ей отца.

— Хардинг, сэр. Джордж Хардинг.

— Ах да. Итак, мистер Хардинг, скажите мне: вы когда-нибудь слышали о таком местечке, которое называется Сод-бери-Кросс? Оно находится недалеко от Бата.

— Нет, сэр. А что?

— Мы там живем, — сказал Маркус.

Он подошел к фонтану и присел на его каменный край лицом к ним, словно собираясь держать перед ними речь. Сняв шляпу и темные очки, он положил их на колено. Он как будто бы снял маску, под которой обнаружилось, что у него жесткие седеющие волосы, которые торчали во все стороны, несмотря на то что их в течение шестидесяти лет пытались привести в должный вид. Его умные голубые глаза блеснули недобрым блеском. Время от времени он потирал морщинистую кожу на виске.

— Итак, мистер Хардинг, — продолжал он, — давайте посмотрим в лицо фактам. Насколько я понимаю, то, что происходит между вами и Марджори, — это не простой пароходный флирт. Насколько я понимаю, вы оба относитесь к этому серьезно, — по крайней мере, вам так кажется.

Среди членов группы снова произошли некоторые изменения. Они касались и тех двух, которые стояли внутри балюстрады перистилия. Один из них (как заметил наблюдавший за ними человек) был жизнерадостный пожилой человек в фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, так что видна была большая лысина. Глаза были скрыты очками, однако круглое его лицо носило на себе следы хорошо прожитой жизни. Он прокашлялся.

— Мне кажется, — сказал он, — если вы меня извините, я спущусь вниз и...

Его спутник, удивительно некрасивый молодой человек, повернулся спиной и принялся изучать внутренность дома, делая вид, что его это не касается.

Маркус посмотрел на них.

— Чепуха, — решительно заявил он. — Вы, правда, не являетесь членами нашей семьи, однако вам все известно, поэтому стойте там, где стоите, и к черту вашу деликатность.

— Вы действительно думаете, дядя Маркус, что это подходящее место для того, чтобы рассказывать об этом? — спокойно проговорила девушка.

— Да, моя дорогая, я думаю именно так.

— Совершенно согласен, — бурно присоединился к нему доктор Джо. Он принял строгий, чопорный, многозначительный вид. — В первый раз в жизни, Маркус, ты совершенно прав.

Джордж Хардинг, в свою очередь, принял такой же строгий, чопорный, даже напыщенный вид.

— Могу уверить вас, сэр... — начал он торжественным тоном.

— Да-да, я все это знаю, — сказал Маркус. — И сделайте милость, перестаньте смущаться. Ничего в этом нет необычного. Люди женятся и выходят замуж, зная при этом, что они будут делать, когда поженятся, как и вы, я надеюсь, знаете. Кстати сказать, разрешение на это замужество зависит исключительно от меня.

— И от меня тоже, — строго заметил доктор Джо.

— Если тебе угодно, — отозвался Маркус с раздражением. — И от моего брата, разумеется. Мы с вами знакомы уже месяц — в условиях совместного путешествия. Как только вы начали ухаживать за моей племянницей, я тут же телеграфировал моему поверенному с просьбой навести о вас справки. Все у вас, по-видимому, в порядке; у меня нет оснований быть недовольным. Семьи у вас нет, денег тоже...

Джордж Хардинг хотел было что-то объяснить, но Маркус не дал ему сказать ни слова.

— Да-да, мне все известно о химических опытах, которые, возможно, принесут вам целое состояние. Я не вложил бы в это дело ни пенса, даже если бы от этого зависела жизнь вас обоих. У меня нет ни малейшего интереса к этим «новым химическим процессам»; ненавижу новые процессы, особенно химические: ими интересуются одни только дураки, а меня они наводят зеленую скуку. Впрочем, вы, может быть, чего-нибудь этим добьетесь. Если вы будете действовать твердо и без глупостей, вам хватит на жизнь и того, что у вас уже есть, и, кроме того, вы кое-что получите и от Марджори. Это понятно?

Джордж снова попытался что-то объяснить; на сей раз его перебила Марджори. Ее лицо слегка покраснело, но глаза были ясные, и она держала себя в руках.

— Просто скажите «да», — посоветовала она. — Больше вам ничего сказать не дадут.

Лысый господин в фетровой шляпе, который стоял, опершись локтями на балюстраду, и наблюдал за ними, слегка нахмурившись, помахал рукой, словно учитель, требующий внимания в классе.

— Одну минуточку, Маркус, — вмешался он в разговор. — Вы просите меня и Уилбера присутствовать при этом деле, хотя мы и не являемся членами вашей семьи. Поэтому позвольте мне сказать. Неужели так уж необходимо подвергать молодого человека перекрестному допросу, как будто бы...

Маркус наградил его негодующим взглядом.

— Мне бы хотелось, — сказал он, — чтобы некоторые люди отказались от нелепой мысли, что всякий вопрос — это непременно допрос, притом перекрестный. Все писатели, по-видимому, придерживаются такого мнения. Даже вы, профессор, грешите этим. Это раздражает меня невероятно. Я расспрашиваю мистера Хардинга, — это вам ясно?

— Да... — ответил Джордж.

— Да ладно вам, — добродушно сказал профессор.

Маркус поерзал на своем фонтане, устраиваясь поудобнее, так что едва не свалился в воду. Лицо его стало еще более непроницаемым.

— Раз мы выяснили этот вопрос, — продолжал он несколько другим тоном, — вы должны кое-что узнать о нашем семействе. Марджори ничего вам не говорила? Я так и думал. Если вы воображаете, что мы принадлежим к праздным богачам, которые привыкли к тому, что могут ни с того ни с сего устроить себе каникулы в такое время года, выбросьте это из головы. Я богат, это правда, но я не бездельник и путешествую нечасто. И все остальные тоже. Я за этим слежу. Я работаю. И хотя я считаю себя скорее ученым, чем бизнесменом,

деловая часть от этого не страдает. Мой брат Джозеф — практикующий врач в Содбери-Кросс; он работает, несмотря на свою природную лень. За этим я тоже слежу. Доктор он не блестящий, однако люди его любят.

Физиономия доктора Джо под темными очками так и пылала.

— Пожалуйста, успокойся, — холодно велел Маркус. — Теперь Уилбер, Уилбер Эммет, вот он — управляющий моим предприятием.

Он кивнул в сторону высокого и поразительно некрасивого молодого человека, который стоял внутри балюстрады перистилия. На лице Уилбера Эммета сохранялось каменное выражение. К Маркусу он относился с таким же почтением, как и Джордж Хардинг, однако у него почтение сочеталось с чопорностью и чувством собственного достоинства, словно он всегда был готов записать распоряжение.

— Поскольку я нанял его на работу, могу вас уверить, что он тоже работает. Профессор Ингрэм, этот толстяк с лысым черепом, просто друг нашей семьи. Он ничего не делает, но если бы это зависело от меня, работал бы обязательно. Итак, мистер Хардинг, я хочу, чтобы вы с самого начала это поняли, и хочу, чтобы вы поняли меня. Я — глава этого семейства, имейте это в виду. Я не тиран. Меня нельзя упрекнуть в скупости или в том, что я предъявляю необоснованные требования, — это может подтвердить каждый. — Он вытянул шею. — И в то же время я упрямый старик, который повсюду сует свой нос и которому непременно нужно докопаться до сути в любом деле. Я всегда стремлюсь настоять на своем, и обычно мне это удается. Вам это ясно?

— Да, — сказал Джордж.

— Отлично, — улыбаясь, заметил Маркус. — Пошли дальше. Принимая во внимание все вышесказанное, вы, вероятно, удивляетесь, почему мы все-таки устроили себе эти трехмесячные каникулы. Я вам объясню. Потому что в деревне Содбери-Кросс появился маньяк, которому нравится травить людей целыми пачками.

Снова наступило молчание. Маркус надел свои очки, и снова круг темных очков оказался полным.

— Вы что, проглотили язык? — поинтересовался Маркус. — Разве я сказал, что в деревне есть фонтанчик для питья или рыночная площадь? Я сказал, что там есть маньяк, преступник, который забавляется, устраивая массовые отравления. Исключительно для того, чтобы доставить удовольствие этому человеку, трое детей и восемнадцатилетняя девушка были отравлены стрихнином. Один из детей погиб. Ребенок, к которому была особенно привязана Марджори.

Джордж Хардинг открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он посмотрел на путеводитель, который держал в руке, и поспешно засунул его себе в карман.

— Простите... — начал он.

— Нет, вы послушайте меня. Марджори несколько недель была больна, у нее был нервный шок. Именно из-за этого, и... вообще создалась такая атмосфера... — Маркус поправил очки. — Словом, мы решили совершить это путешествие.

— Никогда не отличалась крепким здоровьем, — пробормотал доктор Джо, глядя в землю.

Маркус знаком велел ему замолчать.

— В среду, мистер Хардинг, мы отправляемся домой на «Хакозаки Мару» из Неаполя. Поэтому вам не мешает знать, что произошло в Содбери-Кросс семнадцатого июня. У нас там есть одна женщина, ее зовут миссис Терри, она держит лавочку на Хай-стрит, в которой продаются табак и разные сладости. Отравление было вызвано стрихнином, который находился в шоколадных конфетах, купленных в лавочке миссис Терри. Как правило (вы, конечно, это понимаете), она не торгует отравленными конфетами. Полиция полагает, что кто-то каким-то образом подменил конфеты, подсунув отравленные взамен нормальных, безобидных. — Он нерешительно помолчал. — Дело в том, что это мог сделать только человек, хорошо известный в Содбери-Кросс. Только такой человек мог иметь доступ к конфетам и сделать свое дело

в определенное время и при определенных обстоятельствах. Ясно ли я излагаю?

Темные очки Маркуса уставились прямо в глаза собеседнику.

— Мне кажется, да, сэр.

— Если говорить обо мне, — продолжал Маркус, — то мне очень хочется вернуться домой.

— Господи, конечно! — с жаром воскликнул доктор Джо. — Приличные сигареты, настоящий чай, приличное...

Из своего укрытия в перистиле в первый раз подал голос человек с серьезным и удивительно некрасивым лицом. У него был глубокий, звучный голос, благодаря которому его несколько загадочные слова приобрели оттенок зловещего прорицания. Руки он держал в карманах блестящей синей куртки.

— Сэр, — сказал Уилбер Эммет, — нам не следовало отсутствовать в июле и августе. Я не доверяю Маккрекену, и меня беспокоят «ранние серебряные».

— Поймите меня правильно, мистер Хардинг, — настойчиво говорил Маркус. — Мы не какие-нибудь отверженные. Мы действуем по собственной воле. Хотим — уезжаем в отпуск, хотим — возвращаемся, когда нам заблагорассудится, по крайней мере я. Я особенно стремлюсь попасть домой, потому что мне кажется, я могу решить проблему, которая всех их мучает. Ответ мне был частично известен уже несколько месяцев тому назад. Однако есть некоторые... — Снова в нерешительности он поднял руку, помахал ею в воздухе и опустил на колено. — Если вы приедете в Содбери-Кросс, вы увидите, что там существуют разного рода инсинуации. Известная атмосфера. Известные сплетни. Вы к этому готовы?

— Да, — ответил Джордж.

У человека, который смотрел на них из двери атриума, эта группа навсегда осталась в памяти: в саду, в обрамлении древних колонн, — эта картина была как бы символом того,

чему впоследствии суждено было случиться. В настоящий момент, однако, его мысли были далеки от метафизики. Он не стал заходить в дом Аулюса Лепидуса, отравителя. Вместо этого он повернулся и вышел на улицу Мавзолеев, по которой прошел несколько шагов вверх, в направлении ворот Геркуланума. Крошечная струйка дыма, стелясь и извиваясь, поднималось над конусом Везувия. Инспектор-детектив Эндрю Макэндрю Эллиот из отдела уголовного сыска сел на высокую ступеньку, закурил сигарету и задумчиво посмотрел на коричневую ящерицу, которая выскочила на дорогу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Горькие сласти

В ночь, когда произошло убийство в «Бельгарде», загородном доме мистера Маркуса Чесни, инспектор Эллиот выехал из Лондона на своей машине, которой он гордился сверх всякой меры, и в половине двенадцатого прибыл в Содбери-Кросс. Была чудесная ночь, правда слишком темная после сверкающего солнечного дня и очень теплая для начала октября.

«Во всей этой истории есть что-то фатальное, какой-то рок», — мрачно размышлял он. Когда комиссар Хэдли вызвал его и распорядился, чтобы он принял это дело, он ничего не сказал ему о своих мыслях. Ему не давало покоя не только то, чему он был свидетелем в Помпеях, но и эта ужасная сцена в аптеке.

— Как всегда, — горько жаловался Хэдли, — нас вызвали только тогда, когда след уже простыл, так что нам абсолютно не за что зацепиться. Почти четыре месяца! Вы отлично размотали это дело в Крукид-Хиндже, там тоже прошло достаточно много времени и не осталось следов, так что, может быть, у вас что-нибудь получится. Однако особых надежд не питайте. Вам что-нибудь об этом известно?

— Я... в свое время я кое-что об этом читал, сэр.

— Там снова заварилась каша. С тех пор как семейство Чесни вернулось из-за границы, там черт знает что творится: анонимные письма, надписи на стенах — словом, все такое... Скверное это дело, мой мальчик, — травить маленьких детей.

Эллиот помедлил. В нем кипел глухой гнев.

— Вы думаете, это сделал кто-то из членов семьи, сэр?

— Не знаю. У майора Кроу — это главный констебль, шеф местной полиции — есть на этот счет свои соображения. Кроу — весьма впечатлительный человек, хотя по его виду этого не скажешь. Если у него появляется идея, он вцепляется в нее мертвой хваткой, и тогда его с места не сдвинешь. Но все равно он познакомит вас с фактами. Он хороший человек, под его началом работать будет приятно. Да, если понадобится помощь, там поблизости находится Фелл. Он в Бате, проходит там курс лечения. Вы можете ему позвонить, пусть немного поработает для разнообразия.

Эндрю Макэндрю Эллиот, серьезный молодой человек, с душой, в которой прочно жила милая Шотландия, заметно приободрился, узнав о возможности связаться с толстяком-доктором. Доктору Феллу можно даже рассказать, что у тебя на душе, — такой он человек.

Итак, в половине двенадцатого он прибыл в Содбери-Кросс и остановил машину у дверей полицейского участка. Содбери-Кросс по своему статусу — это нечто среднее между городом и деревней. Однако он расположен на лондонской дороге, и там находится рынок, поэтому движение довольно значительное. В это время ночи все было погружено в сон. Фары машины скользнули по рядам мертвых окон; единственное пятно света — освещенные часы над «Бриллиантовым юбилеем», где торгуют газированной водой.

Майор Кроу и комиссар Бостуик ожидали его в кабинете комиссара.

— Простите, что так поздно, — сказал Эллиот, обращаясь к первому, — но у меня спустило колесо по дороге, недалеко от Кана, и...

— О, ничего страшного, — ответил шеф местной полиции. — Мы все равно ночные птицы. Где думаете остановиться?

— Комиссар советовал остановиться в «Синем льве».

— Вот и отлично, ничего не может быть лучше. Что вы предпочитаете: разбудить их и сразу устроиться на ночь или сначала мы вам расскажем кое-что об этом деле?

— Я бы хотел сначала ознакомиться с делом, если для вас это не слишком поздно.

В кабинете некоторое время царила тишина, если не считать громкого тиканья часов; нервно подрагивал огонек газового рожка. Майор Кроу достал пачку сигарет. Это был человек с мягкими манерами, тихим голосом и коротко подстриженными седеющими усами: один из тех отставных военных, чьи успешные действия обычно вызывают у людей удивление, пока они не убедятся, что перед ними настоящий классный специалист. Шеф местной полиции закурил сигарету и помолчал, пристально рассматривая пол у себя под ногами.

— Это я должен перед вами извиниться, инспектор, — сказал он. — Раз уж собирались призвать на помощь Скотленд-Ярд, мы должны были сделать это уже давно. Но здесь в последние дни, с тех пор как вернулись домой Чесни, было довольно много хлопот. Люди ведь думают, что как только на помощь приходит Скотленд-Ярд, — в его улыбке не было ни малейшего желания кого-либо обидеть, — так дело начинает двигаться вперед семимильными шагами. Тут многие считают, что мы должны арестовать одну девушку, ее зовут мисс Уиллс, Марджори Уиллс. Но у нас нет никаких улик.

Эллиот никак не комментировал это сообщение, хотя ему очень хотелось это сделать.

— Вы поймете всю сложность ситуации, — продолжал майор, — если я вам обрисую, что собой представляет лавочка миссис Терри. Вы видели сотни таких заведений. Это очень небольшое помещение, узкое, но достаточно глубокое. С левой стороны — прилавок для сигарет и табака, с правой —

Карр Дж. Д.

К 26 Человек, который не боялся : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. А. Иванова, В. Салье, Н. Тихонова, А. Устиновой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 704 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25756-6

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в закрытой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра — Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

В настоящий сборник вошли десятый, одиннадцатый и двенадцатый романы цикла, повествующие о трех новых головоломных загадках, которые предстоит расследовать доктору Феллу: «Темные очки» (1939), «Клетка для простака» (1939) и, впервые в новом переводе, «Человек, который не боялся» (1940).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ БОЯЛСЯ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.08.2025.
Формат издания 60 × 88 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34730-01-R